

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-6-21

УДК 314; 316; 323

Леокадия ДРОБИЖЕВА

Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях

Аннотация. Статья посвящена формированию российской гражданской идентичности, дискуссиям вокруг ее понимания и представлениям в массовом сознании. На основании репрезентативных общероссийских опросов и опросов в регионах страны анализируются динамика общероссийской идентичности и ее идентификационные основания. Таковыми являются, прежде всего, государство и общая территория, затем — историческое прошлое, культура, ответственность за дела в стране. Для гражданской идентичности в республиках РФ характерны большая значимость таких консолидирующих признаков как государство и территория, а также разнообразие в представлениях об историческом прошлом и культурном наследии. Средства укрепления российской идентичности автор видит в росте межэтнического доверия и в солидаризации вокруг общих ценностей и целей развития.

Ключевые слова: российская гражданская идентичность, консолидация, региональная идентичность, этническая идентичность, идентификационные основания.

К постановке проблемы

Солидарная идентичность граждан считается условием поддержания согласия в обществе и целостности государства. В современных условиях, когда в разных странах растет запрос на право решать свою судьбу, свободно выбирать пути развития, ее значение особенно велико. В России позитивная гражданская идентичность особенно важна в связи с пережитой, но не забытой людьми потерей идентичности советского времени и возросшим внешнеполитическим напряжением.

Укрепление российской гражданской идентичности ставится задачей и одним из направлений деятельности в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. Потребность в солидарности осознается не только руководством страны, она является и естественным запросом общества. Не случайно 1990-е годы, когда понятия «российская нация» и «гражданская идентичность» не фигурировали в доктринальных документах, выступлениях президента РФ, его обращениях к Федеральному собранию (они появились с 2000 г.), более половины населения во время

Сведения об авторе: ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — главный научный сотрудник Института социологии РАН, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, профессор НИУ Высшая школа экономики (ВШЭ), доктор исторических наук; drobizheva@yandex.ru.

опросов по общероссийской выборке отвечали, что они чувствуют себя гражданами России [Данилова, 2000; Данилова, 2001; Российская... с. 82].

В 2000-е годы в Посланиях Федеральному собранию Президента РФ используются понятие «нация» в общероссийском значении и его производные¹. На рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в 2004 г. В. Путин прямо отмечал: «... мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть ... нечто такое, что нас всех объединяет. ... Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом» [Путин].

В 2012 г. в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 г. введены понятия «многонациональный российский народ» (российская нация), «гражданская идентичность». Естественно, они стали входить в образовательные курсы, появились в школьных программах, звучат в политическом дискурсе. Общероссийская идентичность — это и формируемое представление, и чувства, и нормы поведения.

Социологи, политологи, историки в методологии используют концепцию М. Вебера «о массовых субъективных убеждениях», «субъективной вере», ценностях, которые могут становиться опорой интеграции общества [Weber]. Обращаясь к ценностно-нормативной концепции Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, изучая идентичности как восприятие социальной реальности, ученые опираются на конструктивистское направление. Отрадно, что после интервью Томаса Лукмана журналу «Социология и социальная антропология» [Интервью... с. 8] упрощенное представление о конструктивизме стало встречаться реже, и есть понимание, что сами авторы конструктивизма опирались на идеи антропологических работ К. Маркса, социологического объективизма Э. Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера, а основанием предложенного Т. Лукманом и П. Бергером синтеза «является феноменология жизненного мира, разработанная [Э.] Гуссерлем и [А.] Шютцем» [Там же]. Этот вывод ориентирует нас на понимание того, что успешными могут быть только те идеи, которые основаны на повседневном «жизненном мире» людей. Из этого мы исходили, интерпретируя и данные социологических опросов при изучении представлений людей об их идентификации с гражданами России. Вряд ли все, кто во время Олимпиады или Чемпионата мира по футболу скандировал «Россия, Россия!», читали Стратегию государственной национальной политики или даже послания президента РФ Федеральному собранию с точки зрения присутствия в них идеи российской гражданской идентичности, но они чувствовали ее. Так же, когда нашу страну представляют в негативном образе, это вызывает эмоциональные переживания у большинства россиян.

Идентичность, как принято считать в социологии и психологии, содержит три компонента: когнитивный — содержательные представления, эмоциональный и регулятивный (готовность действовать во имя сложившихся представлений и переживаний).

1 В Послании Федеральному собранию Президента РФ в 2000 г. понятие «нация» и его производные использовались семь раз, в 2007 г. — 18 раз [Послание Федеральному собранию 2012: 2018].

Какие-то компоненты более внешне конструируемы, а какие-то формируются спонтанно на основе мотивационных потребностей людей. Известна концепция политического психолога А. Маслоу, который, кроме физиологических потребностей и потребности в безопасности, выделял потребности людей в человеческой общности и в уважении, а его последователи также установили стремление к достоинству [Maslow; Агеев, с. 104].

Мы напоминаем об этом потому, что целью статьи является рассмотрение изменений в российской идентичности не только в целом по стране, но и в регионах. Именно в региональном и этническом варианте российской идентичности мотивационные факторы имеют главное объясняющее значение.

Понимание российской гражданской идентичности

Вокруг понимания российской идентичности не прекращаются научные споры, которые имеют политическое и этнополитическое звучание. Фокусируются они прежде всего вокруг трех проблем: можно ли эту идентичность называть гражданской, какие в ней главные солидаризирующие смыслы и означает ли общероссийская гражданская идентичность замену этнической идентичности.

В начале постсоветского периода, когда утрачивалась советская идентичность, практически не было сомнений в том, что вместо советской у нас будет гражданская идентичность. В тексте Конституции 1993 г. содержались смыслы, позволяющие следующим образом трактовать общность, которая будет отражаться в гражданской идентичности сограждан. В Конституции утверждались «права и свободы человека, гражданский мир и согласие», незыблемость демократической основы России, «ответственность за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями». «Носителем суверенитета» и единственным источником власти в Российской Федерации, говорится в Конституции, является ее многонациональный народ (Ст. 3, п. 1). Когда в 2000-е годы государство стало активно формировать российскую идентичность, со стороны либерально мыслящих интеллектуалов стали высказываться сомнения. Автор книги «Между империей и нацией» [Паин] Э.А. Паин задавал вопрос, можно ли называть российскую идентичность гражданской, если нельзя сказать, что политическая, гражданская нация у нас сформировалась. (Симптоматично и название его книги.) Обсуждение продолжается, и оно идет не только применительно к нашей стране [Калхун; Primoratz; Westle].

Обобщая разработку идентичностей в проекте под руководством И.С. Семененко [Идентичность...], С.П. Перегудов писал, что гражданская идентичность людей проявляется в их следовании принципам и нормам правового государства и демократического политического представительства, в осознании ими своих гражданских прав и обязанностей, ответственности за дела в обществе, свободы личности, признании приоритета общественных интересов перед узкогрупповыми [Там же, с. 163]. Конечно, не все люди в странах, считающихся демократическими, целиком разделяют и соблюдают все нормы и ценности гражданского общества. Не случайно в Европейском

социальном исследовании (ESSI), так же как и в Евробарометре, использовались не все индикаторы гражданской идентичности, и их набор менялся [Standard...]. Не все граждане, а лишь половина в каждой из 28 государств ЕС считают, что люди в их странах имеют много общего. Но в целом, как полагают исследователи, в обозримой перспективе на Западе, в том числе в Европе, именно за политической, государственно-страновой идентичностью сохранится значимость одной из самых важных групповых идентичностей [Schatz, Staub, Lavine; Калхун; Primoratz].

Глубинные исследования гражданских элементов в российской идентичности нам еще предстоят. Но какие-то из этих элементов уже включались в опросы и будут проанализированы.

При подготовке Стратегии государственной национальной политики в 2012 г. и обсуждении ее корректировки в 2016–2018 гг. представители республик и активные защитники русской идентичности высказывали опасения в отношении подмены этнонациональной (этнической) идентичности российской. Способом снять эти опасения стало включение в цели и приоритетные направления государственной национальной политики формулировки: «укрепление единства многонационального народа (русской нации), сохранение и поддержка этнокультурного многообразия».

Сложно обсуждался вопрос о смыслах, которые объединяют граждан страны в общероссийскую общность, отражающуюся в идентичности. При обсуждении реализации Стратегии государственной национальной политики на заседании Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г. предлагалось подготовить закон о русской нации. В связи с этим высказывалось мнение о русской нации как основе национального государства. Обосновывалось оно тем, что единство нашего общества основано на русской культуре, русском языке и исторической памяти, а государство и территория, которые лежат в основе политической нации, основу «патриотической лояльности» составить не могут. «Гражданство Российской Федерации существует после 1991 г., в то время как культура, история соединяют поколения» [Нужен ли...].

Иногда приводят аргумент, что за рубежом всех, кто приезжает из России, называют русскими. Подобным образом приезжающих к нам (и в другие страны) шотландцев или уэльсцев называют не британцами, а англичанами, хотя официально они граждане Великобритании. Такая же ситуация с испанцами. Басков, каталонцев называют нациями (представители баскского и каталонского движений), но они, как и кастильцы, входят в испанскую нацию.

В 2017–2018 гг. были подготовлены предложения для внесения в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 г.¹ Среди них «основные оп-

1 Корректировка Стратегии государственной национальной политики была поручена Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН). В проект документа вносили предложения субъекты федерации и научные учреждения. Он обсуждался в Комитете по делам национальностей Государственной думы РФ, на заседаниях рабочей группы Совета при Президенте РФ по национальным отношениям.

ределения, которые используются в Стратегии...», предложенные Научным советом по проблемам этничности и межнациональным отношениям при Президиуме РАН и учитывающие последние теоретические и эмпирические разработки академических институтов.

Российская нация определяется как «сообщество свободных, равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою государственную и гражданскую общность с российским государством, приверженность принципам и нормам правового государства, необходимость соблюдения гражданских прав и обязанностей, приоритета общественных интересов над групповыми».

В соответствии с этим гражданское самосознание (гражданская идентичность) — «осознаваемое гражданами чувство принадлежности к своей стране, ее народу, государству и обществу, ответственность за дела в стране, представления о базовых ценностях, истории и современности, солидарность в достижении общих целей и интересов развития общества и российского государства».

Таким образом, наша российская идентичность многосоставная, она включает государственное, страновое, гражданское самосознание, представления о многонациональном народе, социальной, исторической общности. Она основывается на общих ценностях, целях развития общества и солидарности.

Естественно, все эти составляющие в той или иной мере присутствуют, когда люди определяют свою российскую идентичность. Но в общероссийских опросах и опросах в субъектах федерации, в среде конкретных национальностей, они проявляются по-разному. Общероссийская идентичность, как и все другие социальные идентичности, динамична, на нее влияют события и люди. Согласно подходам Э. Гидденса, Дж. Александера, П. Штомпки, П. Бурдые, мы рассматриваем соучастников взаимодействий в различных «полях». Поэтому важно показать общие тенденции в восприятии российской гражданской идентичности и особенности, которые проявляются в различных регионах страны, в субъектах федерации с разным этническим составом населения.

Эмпирической базой для анализа являются результаты общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015–2017 гг.¹, а также результаты репрезентативных опросов в субъектах федерации (Астраханская область, Республика Башкортостан, Калининградская область, Республика Карелия, Москва и Московская область, Республика Саха (Якутия), Ставропольский край, Республика Татарстан, ХМАО), проведенных в 2014–2018 гг. Центром исследования межнациональных отношений Института социоло-

1 Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом и этноконфессиональном контексте» (рук. ак. М.К. Горшков). Автор данной статьи отвечает за раздел по этничности и идентичностям. Выборка — 4000 единиц наблюдения в 19 субъектах РФ.

гии ФНИСЦ РАН¹. Для сравнений также использовались данные опросов ВЦИОМ по заданию ФАДН в 2016–2017 гг. В ряде случаев мы привлекаем результаты исследований, которые проводились учеными в регионах, оговаривая возможности их сопоставимости. В ходе общероссийских и региональных опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН, нами брались глубинные интервью у экспертов, специалистов, общественных деятелей, представителей ряда профессий. Некоторые из них приводятся ниже.

В исследовании мы реализуем подход сравнительной социологии. Сравняются российская идентичность и степень ассоциированности респондентов с ней в областях с преимущественно русским населением, а также в республиках с разным уровнем представленности русских и жителей других национальностей, дающих название республикам. Социально-культурный подход используется при сравнении российской гражданской идентичности русских, живущих преимущественно в своей и инокультурной этнической среде, а также при сравнении этой идентичности у русских и людей других российских национальностей.

В понимании идентичности с точки зрения социальной психологии мы опираемся на идеи Э. Эриксона о стратегии поддержания самоотождествления, включенности ее в социальные контексты, культурные ценности, в значимость идеологии [Erikson]. Используются выводы Дж. Мида о формировании идентичностей в процессе межгруппового взаимодействия, Г. Тэджфела и Дж. Тернера — о значении в этом процессе межгруппового сравнения [Mead]. Также мы солидаризируемся с Р. Брубейкером в понимании разной интенсивности и массовости групповой идентичности в повседневной практике [Брубейкер, с. 15–16].

Общероссийское измерение российской идентичности

Исторический психолог Б.Ф. Поршнев писал: «... субъективная сторона всякой реально существующей общности... конституируется путем двуединого или двустороннего психологического явления, которое мы обозначили выражением «мы» и «они»: путем отличия от других общностей, коллективов, групп людей вовне и одновременно уподобления в чем-либо людей друг другу внутри» [Поршнев, с. 107].

Очевидный предмет исследования в российской идентичности — насколько в каждый исторический период, в конкретной ситуации она формируется за счет отличия, сопоставления или даже противопоставления себя с другими; определения, кто эти другие («они») и за счет чего идет взаимопритяжение, сплочение «мы».

Идентичность россиян в 1990-е годы называют кризисной [Гудков] не только потому, что происходила рекогносцировка привычных опор внутреннего взаимопритяжения,

1 Проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (рук. Л.М. Дробижева). В каждом субъекте федерации выборка включала 1000–1200 единиц наблюдения. Выборка территориальная, трехступенчатая, случайная, вероятностная. Метод сбора информации — индивидуальные интервью по месту жительства.

но и по причине усиления враждебности к «иным», которыми становились часто наши бывшие соотечественники, те, что вышли из Союза. Только в 2000-е годы с укреплением государства, привыканием к его изменившемуся статусу, новому очертанию границ стал проходить «культурный шок» (как образно выразился, характеризуя состояние людей в постсоветских государствах, Петр Штомпка) и начали восстанавливаться элементы позитивной идентичности.

К середине 2010-х годов российская идентичность была, по общероссийским опросам, у 70–80%¹.

Индикатором для измерения общероссийской гражданской идентичности являлись ответы респондентов на вопрос, который задавался в форме проективной ситуации: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, чувствуем их своими, другие же, хоть и живут рядом, остаются чужими. О ком из перечисленных ниже людей Вы лично могли бы сказать «это — мы»? С кем Вы чувствуете связь часто, иногда, никогда?».

И далее шло перечисление наиболее массовых коллективных идентичностей: «с людьми Вашего поколения»; «с людьми той же профессии, рода занятий»; «с гражданами России»; «с жителями Вашего края, республики, области»; «с теми, кто живет в Вашем городе, селе»; «с людьми Вашей национальности»; «с людьми того же достатка, что и Вы»; «с людьми, близкими Вам по политическим взглядам».

Этот вопрос был впервые сформулирован Е.И. Даниловой и В.А. Ядовым еще в 90-е годы [Данилова, 2000; Ядов] и впоследствии в такой или несколько модифицированной, но сходной по содержанию формулировке задавался в других исследованиях Института социологии РАН (с 2017 г. Институт социологии ФНИСЦ РАН), НИУ ВШЭ, в 2017 г. — в опросах ФАДН–ВЦИОМ.

С 2005 по 2018 г. доля ощущающих связь с гражданами России выросла с 65% до 80–84%. По данным перечисленных научных центров гражданская идентичность была самой динамичной, она выросла на 19 процентных пунктов, в то время как другие коллективные идентичности — этническая, региональная — на 6–7 пунктов. Особенно заметно росла доля тех, кто часто ощущает связь с гражданами России.

Два обстоятельства оказывали влияние на массовое сознание. Очевидным было воздействие СМИ, которые постоянно стимулировали сравнения «мы — они» применительно к Украине, мотивировали оборонные настроения в связи с событиями в Сирии и осложняющимися отношениями с США и Евросоюзом. Внутренняя ассоциативность стимулировалась событиями Олимпиады, воссоединением с Россией Крыма, спортивными соревнованиями, особенно Чемпионатом мира по футболу.

¹ Данные РМЭЗ — Мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE); Мониторинговых опросов Института Социологии ФНИСЦ РАН, рук. Горшков М.К. 2015–2016 гг.

Результаты опросов дают возможность проанализировать представления самих россиян о том, что их объединяет. По данным Всероссийского мониторингового опроса Института социологии РАН в 2015 г., людей как граждан России объединяет прежде всего государство — 66% ответов; потом территория — 54%; 49% называли общий язык; 47% — пережитые исторические события; 36–47% — элементы культуры — праздники, обычаи, традиции. Это, повторим, данные общероссийского опроса, следовательно, большинство ответивших (более 80%) — русские. Естественно, язык имеется в виду русский.

Выбор государства и территории легко объясним, поскольку российская идентификация для немалой части людей — идентификация страновая. Некоторые исследователи вообще изучают и интерпретируют ее как страновую. Об этом можно судить по докладу М.Ю. Урнова на традиционной годичной конференции Левада-Центра в 2017 г., содержавшему результаты изучения учеными НИУ ВШЭ идентификации со страной студентов наиболее престижных вузов Москвы и Принстонского университета США. Опросы проводились Южным федеральным университетом, задавался вопрос: «Насколько Вы чувствуете связь с Вашими регионом, страной?» Ответы интерпретировались как свидетельство общероссийской идентичности [Национальная...].

Такая интерпретация встречается, но несомненна и идентификация с государством — достаточно четкая не только по ответам в массовых опросах, но и по материалам интервью: *«Хотят признать себя россиянами, значит, частью государства ... Я не думаю, что найдется много таких людей у нас, кто сказал бы «Я себя идентифицирую вне своего государства». Мы хотим признать себя равноправными гражданами страны ... народ в смысле государственного, территориального сообщества».* Это мнение специалиста, работающего в правовой сфере (Москва), но примерно так же высказывался и общественный деятель (в Москве): *«Мне кажется, что большинство людей понимает термин «общероссийская гражданская нация» ... как гражданскую принадлежность. Государство и является скрепой всего многообразия. Государство предоставляет равные права, возможности ...».* Этнополитолог, знающий материалы прессы и результаты социологических опросов, полагал, что *«если респондент причисляет себя к российской нации (осознает), он рассуждает о себе как об участнике согражданства ... они верят, что государство принадлежит им и проявит уважение к ним как к своим гражданам ... имеет значение и название государства».* Специалист-социолог, работающая с данными массовых опросов и фокус-групп: *«Россиянами вроде все себя считают, но большая часть, кроме каких-то сложившихся стереотипов, честно говоря, не всегда называют. Гражданская компонента в первую очередь ... это ощущение себя в качестве гражданина государства».*

В интервью с экспертами в регионах основной лейтмотив тоже — гражданство в государстве. Государственная доминанта в идентификационной матрице дает основание считать нашу российскую идентичность государственно-гражданской. Однако надо иметь в виду, что само государство воспринимается у нас неоднозначно. Уровень доверия президенту остается достоверно высоким, хотя и меняется в зависимости от событий в стране, но правительству доверяет 37–38%, законодательным и судебным вла-

стям еще меньше — 21–29%. Гражданская же составляющая идентичности по стране в целом (ответы о чувстве ответственности за судьбу страны) — 29–30%¹.

Сложнее объяснить невысокие идентификаторы по историческому прошлому и культуре в общероссийских опросах. Проще всего связать такую идентификацию с тем, что люди живут настоящим, а не прошлым, особенно молодежь. Тоска по прошлому, в толковании социально-политических психологов, — свидетельство неблагополучия в общественных настроениях. Но это лишь частичное объяснение.

Ю.В. Латов в статье, опубликованной в журнале «Полис», сделал ряд любопытных наблюдений относительно оценок нашего прошлого. Вслед за Г. Кертманом [Кертман] он фиксирует, что, в отличие от 80–90-х годов, когда в центре общественного внимания была оценка событий времен И. Сталина, в последние 10–15 лет «войны памяти» идут вокруг событий последних лет существования СССР, отчетливее фокусируемых в массовом сознании как «брежневские времена». Историками и политологами они интерпретируются как времена «застоя», а в оценках обычных людей² характеристики жизни того времени «имеют черты едва ли не “потерянного рая”» в сравнении с временами В.В. Путина. Но если бы советским людям в 80-е годы «сообщили, что они будут жить в личных квартирах, что в магазинах исчезнет дефицит, что у большинства будет возможность хотя бы раз в несколько лет ездить на отдых за границу, что даже у детей будут карманные телефоны, то это воспринималось бы как очередное обещание “коммунизма”» [Латов]. Трансформация исторической памяти определяется мифологизацией и далекого, и недавнего прошлого, связанной с политическими интересами элит (Э. Смит, В. Шнирельман). От этого у нас непредсказуемым становится не только будущее, но и прошлое. «Непредсказуемое прошлое» — так назвал свою книгу академик Ю.А. Поляков, чья жизнь охватила и советское время, и немалую часть постсоветского периода.

Есть и объективные основания для разного восприятия исторических событий — не только возрастные, но и социально-экономические, материальные, социально-статусные. На материалах социологических исследований видно, что ностальгия по прошлому в значительной мере отражает протестные настроения людей малообеспеченных, пожилых. Оценка исторического прошлого может не только объединять, но и разъединять. Поэтому невысокие показатели исторического прошлого как фундамента российской идентичности в восприятии наших граждан вполне объяснимы. Изучение динамики этого показателя целесообразно как с точки зрения характеристики общественных настроений, так и с точки зрения формирования исторической памяти, если анализ ведется на основе объективных событий и достоверных фактов, их оценках.

1 Данные мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за 2017 г.

2 Оценка строилась на основе 27 характеристик, введенных в опросный лист в исследовании «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 7-я волна, 2017 год, рук. М.К. Горшков. Опрос 2605 работающих респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов населенных пунктов и территориально-экономических районов РФ.

Не так просто интерпретировать ответы респондентов о культуре как объединяющем факторе. Культура понимается в разном значении не только учеными разных направлений знания, но и широкими кругами населения. Для одних это нормы поведения, для других — искусство, литература, для третьих — традиции, памятники исторического наследия. Политологи могут позволить себе говорить: «Нас объединяет культура», но что они имеют в виду, каждый будет понимать по-своему. Для выяснения этого несомненного компонента идентификации с сообществом социологи должны ставить вопросы так, чтобы они понимались однозначно. Поэтому на основе пилотных (экспериментальных) опросов были выделены конкретные элементы культуры: государственные праздники, символы (флаги, гимн, герб, памятники и т.п.), народные традиции.

Нераскрытое понятие культуры как солидаризирующего идентификатора в опросах набирает больше сторонников (в приведенном интервале 37–47%), при раскрытии этого понятия — сторонников меньше. В ходе свободных, полуструктурированных интервью респонденты находили разные обоснования своих затруднений. Одно из них — политизированное восприятие культуры: *«Нуриев... ему хотят памятники ставить, а он уехал от нас, там оставил свои достижения»* (представитель русской культурной организации в Уфе). *«Памятник Ермолову ставят, потом его разрушают, потом восстанавливают. Для русских, конечно, он генерал — победитель, а для черкесов?»* (специалист-преподаватель в Краснодаре). Другое затруднение — социально-демографическое разнообразие восприятия культурных событий, явлений: *«Какая культура нас объединяет? Трудно сказать — одни вон в костюмах с бабочками на передаче «Что? Где? Когда?», а у меня только спортивный костюм»* (представитель общественного объединения в Калининграде). *«День победы для всех нас, большинства — праздник, конечно. Но бабушка, мама — они переживают, даже иногда плачут, а для нас, молодежи, это просто праздник, гулянье, песни даже если поем, какие? Веселые, победные»*. *«Культура прошлого? Да, конечно, Толстой, Пушкин, Достоевский, Чайковский — это объединяет, но только того, кто литературу, музыку знает»* (магистрант-социолог, Москва).

Эксперт-журналист (Москва): *«Массовое «мы» отстраивается в сочетании с историей... Язык тоже чрезвычайно важная вещь... Да, это конечно, Чайковский, Достоевский, Чехов, Большой театр. Это культурный пласт, который объединяет. Печалит, когда люди пытаются сформулировать, почему они общность, слишком часто говорят: «Да, мы — это не они». И дальше: «... вот эти плохие, те — плохие». Увы... Величие наше меряется в килотоннах ядерной энергии, количестве штыков. Но есть культура, она единственное, что является сущностным»*.

Как видим, за итоговыми цифрами массовых опросов множество разнообразных, хоть нередко и стереотипных мнений. Анализируя и те и другие данные, мы ищем объяснения сложных проявлений в массовом сознании важных для общества интегрирующих представлений и ценностей.

Располагая данными сопоставимых общероссийских опросов и опросов в регионах, покажем теперь, чем различаются представления о российской идентичности в разных по этническому составу населения регионах.

Региональное и этническое своеобразие в общероссийской идентификации

Естественно, общероссийские данные об идентификации опрашиваемых с остальными гражданами России и данные в разных регионах и субъектах федерации отличаются.

В середине первого десятилетия 2000-х годов, по данным Европейского социального исследования (ЕСИ), идентификация с гражданами России фиксировалась по стране у 64% населения, а по регионам колебалась от 70% в Центральном и 67% в Поволжском федеральных округах до 52–54% в Сибири [Российская... с. 22].

Исследований, которые бы фиксировали общероссийские и сопоставимые репрезентативные региональные данные (по всем регионам) об идентификации с гражданами России, пока не проводилось. Общероссийские опросы, охватывающие даже более 4 тыс. респондентов, не дают репрезентативных данных по субъектам федерации. Поэтому для представительства ситуаций в регионах мы используем данные тех региональных опросов, в которых задавались сопоставимые вопросы. По данным общероссийских опросов Института социологии РАН и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE), распространенность российской идентичности в 2013–2015 гг. в целом достигала 75–80%, а доля людей с ассоциативной, актуальной идентичностью такого плана (ответивших, что часто ощущают связь с гражданами России) составляла 26–31%.

В оценке общероссийской интегрированности общественное внимание обычно больше привлекают республики. Мы специально рассмотрим именно те республики, где в 1990-е годы были элементы отклонений в законодательстве, проявления национальных движений. Проведенные в 2012 г. и 2015 г. в Саха (Якутии) репрезентативные опросы показали, что гражданская идентичность в этой республике была не ниже общероссийских показателей (в какие-то годы даже чуть выше) — 80–83%; в Башкортостане в 2012 г. выбрали ответ «мы — граждане России» до 90% опрошенных, в 2017 г. — чуть больше 80%; в Татарстане об ощущении связи с гражданами России заявили в 2015 г. — 86%, в 2018 г. — 80%.

По оценкам наших коллег, представленных осенью 2018 г. на конференции, посвященной 50-летию этносоциологии в Казани, репрезентативные региональные исследования в Мордовии и Чувашии зафиксировали российскую гражданскую идентичность не ниже общероссийских данных.

На Юге России, в Кабардино-Балкарии, в той или иной мере с гражданами России ассоциировали себя в 2015–2016 гг. до 60%; в Адыгее — 71%¹.

1 Исследование осуществлялось Институтом социологии и регионоведения Южного федерального университета. Выборка репрезентировала Южный федеральный округ и не была репрезентативной по республикам. [См.: Национальная... с. 167].

В 2018 г. мы проводили репрезентативный опрос в одном из самых экономически благополучных регионов с доминирующим русским населением, но высоким притоком мигрантов, — Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Здесь очень распро-странена региональная идентичность, но и российская составляет — 90%. Между тем в Ставропольском крае соответствующие данные едва дотягивали до общероссийских [Российская... с. 22]. Отметим, что и по ощущению жителями сильной связи с осталь-ными гражданами России показатели республик не намного отличались от средних по стране данных. А когда отличались, то нередко даже в лучшую сторону. В Саха (Якутии) о сильной связи говорили чаще на 9–14 процентных пунктов (в 2012, 2015 г.), в Татар-стане — почти на 17 процентных пунктов (в 2018 г. — 46,7%), чем по России в целом (30%).

Таким образом, не сепаратистские настроения в прошлом, а нынешняя социально-экономическая и социально-политическая ситуация в регионах определяет ощущение у людей связи с большой Родиной, гражданами страны. В Башкортостане и Татар-стане на некоторое снижение доли ощущающих связь с российской идентичностью в 2017–2018 гг. повлияла ситуация, связанная с прокурорскими проверками в школах, отменой обязательного изучения государственных языков республик. В Саха (Якутии) российскость связывается с выполнением федеральным центром северного завоза, строительством либо отменой строительства запланированных ранее объектов (мо-стов, железнодорожных сетей и т.д.). Российская идентичность в этих республиках, за-метно превышавшая общероссийские показатели, приблизилась к общероссийскому уровню.

Там же, где социально-экономические трудности накладываются на межэтнические противоречия, в неурегулированности которых местное население видит недоработку федерального центра (как, например, в Кабардино-Балкарии), снижается ощущение связи с общероссийской общностью.

В чем реально отличается российская гражданская идентичность в республиках, так это в силе солидаризирующих признаков. Как уже упоминалось, по общероссийским данным, самым сильным признаком было государство (66% ответов). В республиках этот признак доминирует еще больше: в Саха (Якутии) — 75% ответов, в Татарстане и Башкортостане — 80–81%. При этом среди башкир, татар, якутов доминанта этого интегрирующего фактора более заметна, чем среди русских в республиках.

В республиках несколько чаще называют как солидаризирующий признак и общую территорию — 57–58% (при 54% в РФ). В большинстве республик до 95% населения и более хорошо знают русский язык, но как объединяющий признак его называют, так же как и культуру, заметно реже, чем государство и территорию. В Башкортостане, на-пример, его назвали 24–26% башкир и татар. В Саха (Якутии) — четверть якутов и 30% русских.

Язык, история, культура — основные солидаризаторы в этнической идентичности народов. Но в общероссийской идентичности в республиках «войны исторической

памяти» накладывают отпечаток на распространенность этих признаков как объединяющих. Среди якутов их называло не более четверти опрошенных, среди башкир, татар в республиках — не более трети. Во время свободных интервью наши респонденты находили этому объяснение. Журналистка, работающая в этнополитической тематике, говорила: *«Даже среди русского большинства иногда люди думают, что российскостью хотят сделать их унифицированными. Но это страшилка. У представителей других национальностей чувство, что они россияне, ярко выражено. Я с ними общаюсь, вижу это. Они этим гордятся. Но ведь у них есть и своя культура, своя история каждого народа. Что из этого входит в общероссийскую историю — об этом у каждого свое представление. Объединяющее в культуре, конечно, что-то есть — праздники государственные, Пушкин — «наше все». Общественник из Уфы затруднялся выделить что-то из башкирской культуры, что могло бы объединять все национальности в России: «Каждый народ считает каких-то своих деятелей культуры великими, но именно своей культуры. Хотя понимают, что для других они совсем не будут такими. И что же тогда объединяет нас в культуре — любовь к Рахманинову или Моцарту, Бетховену — но они же мировые классики».*

Эксперт-культуролог (Казань) утверждал, что *«в советский период у нас в общую культуру входила сконструированная плеяда деятелей — к русским великим подсоединяли Хачатуряна, Гамзатова, Айтматова, создавали букет, который входил даже в школьные программы. Теперь такого нет. Может, это хорошо, что не навязывают, но и плохо, даже старый багаж теряем, девальвируем иногда, а нового не накапливаем, хотя и телевидение, и радио есть, и Интернет».* Специалист в области межнациональных отношений (Москва): *«Я думаю, что российскую нацию надо растить на общей истории всех народов Российской Федерации, общих целях и задачах и совместных победах, праздниках, в том числе национальных. Это дело... очень многих лет».* Общественный деятель (Карелия): *«Потребность принадлежности к чему-то большому, объединяющему должна появиться... Это чувство вот какой-то культурно-исторической общности, корней, традиций... Об этом надо думать и русским, и всем людям других российских народов... Много спорного, только надо уметь договариваться».*

Сложность формирования общей объединяющей истории и культуры, естественно, понимают и специалисты, и власть. Не случайно так сложно было создавать школьные и вузовские учебники по истории. В этой области есть споры и какое-то движение, а вот в сфере культуры, кроме языка, продвижения в осознанном формировании представлений о развитии культурного наследия заметно меньше. Реставрируются памятники культуры, проводятся концерты и выставки в память о выдающихся деятелях культуры, но как объединяющая озвучивается только праздничная культура.

Общегражданский признак — ответственность за дела в стране. В республиках, где проводились репрезентативные опросы, его называли не реже, чем в общероссийских опросах, а в Саха (Якутии) даже чаще (50% и более). Причем саха-якуты и русские солидарны в этих чувствах. Нет практически различий по этому идентификатору между

татарами и русскими в Татарстане (34%, 38% соответственно), между башкирами и русскими в Башкортостане (36% и 34% соответственно).

В силу ограниченности возможностей представить в рамках статьи все сюжеты, связанные с региональными особенностями идентичностей, мы не остановились на своеобразии иерархии российских региональной и локальной идентичностей в субъектах федерации. Отметим лишь, что при всем их разнообразии основной тренд в 2000-е годы был направлен на совместимость.

Сильная региональная идентичность, будь то в Калининградской области, Саха (Якутии) или Татарстане, была результатом прежде всего деятельности региональных элит и преподносилась через ощущение значимости данного пространства для страны. В Калининграде нам часто говорили: «Мы — лицо России для Запада»; в Казани: «Мы — достаточно быстро развивающийся регион России»; в Ханты-Мансийске: «Мы — энергетическая база безопасности страны». Конечно, соблюдение баланса российской и региональной символики дело непростое и требует постоянного внимания и изучения.

Некоторые выводы

Консолидирующая общероссийская идентичность по-прежнему обсуждается учеными и политиками, но она существует и как реальная социальная практика в сознании граждан России.

Привычные представления прошлого остаются неизжитыми, люди не перестали ассоциировать с нацией свою этнокультурную отличительность, поэтому в доктринальном пространстве остается консенсусное определение «многонациональный народ России (российская нация)», то есть термин «нация» имеет здесь двойной смысл.

Не менее важная проблема — на какой основе формируется российская идентичность. Этнокультурная идентичность имеет основой язык, культуру, историческое прошлое. Как показывают результаты репрезентативных опросов, российская гражданская идентичность базируется прежде всего на представлениях о государственной и территориальной общности. Историческая память и культура реже ассоциируются с общероссийской идентичностью в силу критического осмысления советского и досоветского прошлого и исторических представлений каждого народа, не все из которых осмысливаются как общероссийские.

В силу высокой значимости государства как основы лояльности россиян, на органах государственной власти лежит высокая ответственность за поддержание доверия между гражданами и властью, обеспечение справедливости и благосостояния в обществе.

В последние два года особенно очевидным стало формирование российской идентичности за счет сравнений «мы» и внешних «они» в негативном содержательном

наполнении (Украина, США, Евросоюз). В такой ситуации для поддержания хотя бы нормального баланса особенно важным будет наполнение образа «мы» позитивным содержанием. Очевидно, что одних спортивных побед, которые поддерживают эмоциональный компонент идентичности, недостаточно. В поддержании позитивного баланса нужны усилия и государства, и гражданского общества. При этом даже ясные теоретически вопросы необходимо реализовывать на практике с учетом возможного в современных условиях.

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 14-18-01963-П

Литература:

- Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М. 1990.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М. 2012.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М. 2013.
- Гудков Л.Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2012 г. М. 2002.
- Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
- Данилова Е.Н. Кто есть «мы» в России и Польше // Россия: трансформирующееся общество / Под. ред. В.А. Ядова. М. 2001.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. М. 2017.
- Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 5–14.
- Калхун К. Национализм. М. 2006.
- Кертман Г. Эпоха Брежнева — в дымке настоящего // Социальная реальность. 2007. №2. С. 5–22.
- Латов Ю.В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 116–133.
- Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М. 2016.
- «Нужен ли закон “о российской нации” народам России и русскому народу» // Передача «Что делать?». Телеканал «Культура». 12.12.2016. (Выступление М.В. Ремизова). — URL: tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1433092/video_id/1550848/viewtype/picture/ (дата обращения: 27.09.2018).
- Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. - М.: Новое издательство, 2004.
- Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. 2. М. 1979.
- Послание Президента Российской Федерации от 26.04.2007 г. // Официальный сайт президента России. — URL: kremlin.ru/acts/bank/25522 (дата обращения: 01.07.2018).
- Послание Федеральному собранию // Официальный сайт президента России. 08.07.2000. — URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/21480. (дата обращения: 01.07.2018).
- Путин В.В. Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений // Официальный сайт президента. 05.02.2004. — URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/22349 дата обращения: 01.07.2018).
- Российская идентичность в Москве и регионах. М. 2009.

- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3–4.
- Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things: Selected Papers of Erik H. Erikson 1930–80 / Ed. By Schlein. N.Y. 1995.
- Maslow A. Motivation and Personality. Chicago. 1934.
- Mead G.H. Mind, self and society. Chicago. 1934.
- Primoratz I. Patriotism // Zalta E.N. (ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2015.
- Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology. Vol. 20. 1999. P. 151–174.
- Standard Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Spring 2017. — URL: ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/79565 (date of access: 27.09.2018).
- Weber M. Economy and Society. N.Y. 1968. V.1. 389 p.
- Westle. B. Identity, Social and Political // Badie B. (ed.) International Encyclopedia of Political Science — Thousand Oaks. (CA). 2011. P. 1131–1142. — URL: site.ebrary.com/id/10582147p (date of access: 27.09.2018).